

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 2(55). С. 201–205.
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2022; 2(55):201–205.

Научная статья
УДК 32(470)
doi: 10.47598/2078-9025-2022-2-55-201-205

КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Артём Александрович Фоменков

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия,
artjom2310@inbox.ru

Аннотация. В настоящей статье анализируются особенности неэффективности культуры отмены в политической системе современной Российской Федерации. Выявлены обстоятельства, препятствующие активному использованию культуры отмены в России в ближайшем будущем. Общие оценки культуре отмены, равно как и механизм противостояния таковой в тексте не рассмотрены.

Ключевые слова: «новая этика», культура отмены, политические аспекты, Россия, современность, причины

Для цитирования: Фоменков А. А. Культура отмены в современной России: политические аспекты // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 2(55). С. 201–205. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-2-55-201-205>.

Research article

CULTURE OF CANCELLATION IN MODERN RUSSIA: POLITICAL ASPECTS

Artyom A. Fomenkov

Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia, artjom2310@inbox.ru

Abstract. This article analyzes the features of the ineffectiveness of the culture of cancellation in the political system of the modern Russian Federation. The circumstances that impede the active use of the culture of cancellation in Russia in the near future are revealed. General assessments of the culture of cancellation, as well as the mechanism of confrontation with it, are not considered in the text.

Keywords: "new ethics", cancellation culture, political aspects, Russia, modernity, causes

For citation: Fomenkov A. A. The culture of cancellation in modern Russia: political aspects. *Vestnik BIST (Bashkirkosgo instituta social`ny`x texnologij)* = *Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2022;2(55):201–205. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-2-55-201-205>.

За сравнительно небольшой промежуток времени в оборот вошло несколько словосочетаний, связанных с так называемой «новой этикой». Одним из таковых является «культура отмены». Кембриджский словарь предлагает следующее определение культуры отмены: «Cancel culture — способ поведения общества или группы людей, особенно в социальных сетях, при котором принято полностью отвергать

и прекращать поддерживать какого-либо человека, потому что он сказал или сделал что-то оскорбительное» [1].

Как показала практика — пусть и совсем не длительная, но вполне характерная — за столь невинным определением кроются куда как более значимые последствия. Уже даже ввиду их значимости таковые (то есть эти самые последствия) можно признать имеющими поли-

тическое значение. Ярчайшим примером может служить блокировка аккаунта 45-го Президента США с соцсетях.

Важно отметить следующие обстоятельства. Во-первых, нередко употребляемым термином «новый тоталитаризм» применительно к использованию «новой этики» [2] мы пользоваться не будем, равно как и причислять новую этику к либерализму, поскольку последний в современном мире слишком многообразен [3]. Во-вторых, сугубо репутационные аспекты, с политической сферой непосредственно не связанные, в данной статье затронуты будут лишь незначительно. В-третьих, моральных оценок «культуре отмены» нами дано не будет. Мы признаем лишь, что «новая этика» произросла из идей философов XX столетия, доведенных до абсурда (лучше всего это описано в монографии Хелен Плакроуз и Джеймса А. Линдси [4]).

Итак, признаем — на сегодняшний день в Российской Федерации культура отмены с ее фактическим запретом на профессию, большими материальными потерями, крахом репутации не прижилась. Все примеры попыток применения культуры отмены в отечественных реалиях [2, 5–7] были малоубедительными и не очень эффективными. «Отменяемые» не исчезали из медийного поля. В некоторых случаях они несли финансовые потери (речь идет о К. А. Собчак и Р. П. Тодоренко), однако отнюдь не катастрофические.

Две попытки «отмены» скорее по ценностному, нежели по в чистом виде политизированному принципу, связанные с Г. Стерлиговым и сетью магазинов «Вкусвилл», окончились безрезультатно. Иначе говоря, в первом случае противники дискриминации ЛГБТ-сообщества и неприятели посконного консерватизма, которым отличается бизнесмен Г. Стерлигов, в массе своей как не покупали его продукции, так и продолжили это делать, но при этом же вся их деятельность в «новых медиа» и соцсетях не привела к каким-либо даже имиджевым потерям этого предпринимателя. «Вкусвилл» также вряд ли потерял даже экономически, ибо ничего похожего на бойкот этой сети сторонниками традиционных ценностей (против них был направлен один из рекламных роликов «Вкусвилла») не организовали. Мало того,

многие сторонники этих самых традиционных ценностей вообще лишены возможности пользоваться услугами этой сети, ибо живут в населенных пунктах, где «Вкусвилл» отсутствует. Иначе говоря, все попытки «отменить» закончились руганью (именно ей, а не критикой!) в соцсетях, равно как и тем обстоятельством, что желающие заявить о своей поддержке «отмены» могли сделать это с полным основанием не сделав ничего больше (не пользовался услугами сети раньше, не пользуюсь и теперь — что может быть проще!?).

По нашему мнению, невосприимчивость основной массой россиян культуры отмены объясняется несколькими значимыми факторами.

Первый фактор: россияне в настоящее время аполитичны, уровень политической (да и гражданской тоже) активности весьма низок. Яркое свидетельство тому — низкий уровень явки на выборах — особенно регионального и муниципального уровней. Весьма нередки случаи, когда основная масса населения не знает своего депутата [8]. Как следствие, гипотетическая идея об «отмене» депутата — неважно как уровня — не встретит поддержки уже по такой банальной причине, что люди могут просто не понять, кого собственно следует «отменить». К существенной части представителей исполнительной ветви власти относится то же самое.

Второй фактор: существенная часть российских политиков (прежде всего в возрасте 50+) имели опыт членства если уж не в КПСС, то как минимум в ВЛКСМ, затем (у меньшего числа, но все же многих) — в одной из партий демократической ориентации, а затем — в «Единой России». Никакого влияния на электоральные перспективы такие «зигзаги» политических биографий не оказывают (в прошлые десятилетия также не оказывали).

Третий фактор: политическая повестка формируется элитой, а не гражданским обществом. Никакого особого запроса на внедрение культуры отмены у политической элиты на данный момент не имеется. Даже в условиях специальной военной операции выражающие особую позицию деятели культуры и и т. п. «отмене» не подвергаются.

Фактор четвертый: большое влияние на культуру отмены в США играет память о расо-

вой дискриминации или, как минимум, попытки спекуляции на таковой. Для России проблема расовой дискриминации совершенно нехарактерна.

Фактор пятый: политические символы тесно связаны с культурой отмены (об этом, например, прекрасно написано Д. М. Бондаренко из Института Африки РАН [9]). Это касается и использования флагов Конфедерации, и осквернения памятников и т. п. В отечественных реалиях уже были примеры «отмены» памятников — досюветские сносили в первые годы советской власти, И. В. Сталину — после развенчания культа личности. Несколько значимых памятников советского периода (прежде всего Ф. Э. Дзержинского на Лубянской площади в Москве) были демонтированы в период распада СССР. В настоящее время российская элита осознает, что политика исторической памяти является крайне важной в современных реалиях. Недостаточно продуманное решение, имеющее отношение к символам и смыслам [10–13], может привести скорее к профанации, нежели к увековечиванию памяти выдающихся государственных деятелей прошлого. Как следствие, в российских городах новые памятники по большей части совершенно аполитичны. Старые же, советские по своей природе памятники стали частью городских пейзажей.

Шестой фактор: российская национальная политика, которую так много критиковали весь постсоветский период, как оказалось, принесла вполне положительные плоды. В самом деле, далеко не все народы, населяющие современную Россию, вошли добровольно в ее состав. Тем не менее наличие национальных республик в составе Российской Федерации объективно сглаживает межэтнические противоречия. В настоящее время нет почвы для спекуляций по поводу «колониальной политики России» в национальных республиках и т. п.

И, наконец, седьмой фактор, во многом тесно связанный с несколькими вышеприведенными: у России уже был свой опыт культуры отмены. Правда, отмены государственной, а не

инициированной частью гражданского общества, но столь же безапелляционной. Касался он прежде всего отдельных киноактеров, эмигрировавших на Запад [14], но эта «отмена» в итоге никак не повлияла на зрительские симпатии.

В общем и целом признаем, что отечественные препятствия для канселинга — особенно политизированного — можно условно поделить на положительные и отрицательные. Первые связаны с тем, что по ряду вопросов в России, равно как и в российском сегменте виртуального пространства, свободы больше, нежели на Западе (тут прежде всего речь о той части Интернета, что связана с корпорацией «Мета»). Иначе говоря, «пакет Яровой», который критиковался частью российской общественности за введение излишних ограничений, куда как менее действенен и даже менее безапелляционен, нежели практика, распространяемая «Мета». Кроме того, россияне, как показала практика, не склонны безапелляционно «вычеркивать» деятеля культуры за его политические взгляды — пусть даже и те, с которыми они совершенно не согласны.

И, разумеется, об отрицательных. Это, собственно, аполитичность и низкий уровень активности. Иначе говоря, основную массу россиян крайне сложно привлечь к какой-либо гражданской активности. Так, россияне в массе своей будут поддерживать какую-то инициативу — причем даже не важно, идущую от государства «сверху» или стихийно «снизу» — однако будут стремиться ограничиться сугубо пассивной поддержкой, не приводящей к каким-либо действиям. Как следствие, любой призыв кого-либо или что-либо «отменить» скорее всего не перерастет в сколь-либо значимые действия.

Таким образом, культура отмены в ближайшей перспективе не будет оказывать хоть какое-то влияние на политические процессы в Российской Федерации. Отдельные же скандалы будут скорее «бурей в стакане воды», нежели чем-то более важным.

Список источников

[1] Черкашина С. А. «Культура отмены» в бренд-коммуникациях // Медиа в современном мире. 60-е Петербургские чтения : сборник материалов 60-го Международного научного форума (Санкт-Петербург, 30 июня — 02 июля 2021 г.) : в 2 т. СПб. : Медиапапир, 2021. С. 157–158.

[2] Кранк Э. О. «Культура отмены» и «новая этика» // Культура и искусство: традиции и современность : материалы IX Международной научно-практической конференции «Культура и искусство: традиции и современность» (Чебоксары, 25 февраля 2021 г.). Чебоксары : Плакат, 2021. С. 27–33.

[3] Пахомова Е. А. К вопросу о многообразии либерализма в современном мире // Вестник Волжской государственной академии водного транспорта. 2013. № 36. С. 225–227.

[4] Плакроуз Х., Линдси Д. Циничные теории. Как все стали спорить о расе, гендере и идентичности и что в этом плохого / пер. с англ. Д. Виноградова. М. : Individuum, 2022. 384 с.

[5] Быков И. А., Ахмедова Ю. Д. Культура отмены в политическом дискурсе современной России // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета: Журналистика. Образование. Словесность. 2021. Т. 1, № 1. С. 14–26.

[6] Валукевич Е. Ю., Плаксина К. С. Культура отмены как феномен 21 века // Студенческий вестник. 2021. № 15-4 (160). С. 10–14.

[7] Зиновьев Н. С. Культура отмены как аспект общественного дискурса // Студенческая наука: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник статей II Международной научно-практической конференции. Пенза : Наука и просвещение, 2021. С. 270–273.

[8] Лубяной М. С., Фоменков А. А. Политические предпочтения нижегородцев в 2018 году: Умонастроения и перспективы реализации // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2018. № 6 (35). С. 48–53.

[9] Бондаренко Д. М. «Культура отрицания» и борьба с расизмом: гражданская война и отмена рабства в культурной памяти в США // XIV Конгресс антропологов и этнологов России : сборник трудов конференции. Томск : Национальный исследовательский Томский гос. ун-т, 2021. С. 7–19.

[10] Аникин Д. А. Визуализация исторической памяти в сетевом обществе: Методологические основания исследования // Logos et Praxis. 2017. Т. 16. № 3. С. 33–39.

[11] Костромицкая А. В. Трансформация символического пространства города (На материалах Симферополя) : дис. ... канд. культурологии. Симферополь, 2013. 216 с.

[12] Мармазова Т. И. Пути усовершенствования политических отношений в транзитивных обществах // Гилея: научный вестник. 2013. № 72. С. 787–792.

[13] Фортунатов А. Н. Перформативная онтология современной коммуникации (К проблеме эволюции значений фактов и смыслов в 1917 и 2017 годах) // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме : сборник научных статей / под общ. ред. И. Т. Касавина, А. М. Фейгельмана. Нижний Новгород : Национальный исследовательский Нижегородский гос. ун-т имени Н. И. Лобачевского, 2017. С. 301–304.

[14] Федоров А. В. Тысяча и один самый кассовый советский фильм: Мнения кинокритиков и зрителей. М. : Информация для всех, 2021. 1134 с.

References

[1] Cherkashina S. A. "Culture of cancellation" in brand communications. *Media v sovremennom mire. 60-e Peterburgskie chteniya : sbornik materialov 60-go Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma (Sankt-Peterburg, 30 iyunya — 02 iyulya 2021 g.) : V 2 t. = Media in the modern world. 60th St. Petersburg Readings: collection of materials of the 60th International Scientific Forum (St. Petersburg, June 30 — July 02, 2021): In 2 volumes.* St. Petersburg: Mediapapir; 2021. P. 157–158. (In Russ.).

[2] Krank E. O. "Culture of Cancellation" and "New Ethics". *Kul`tura i iskusstvo: tradicii i sovremennost` : materialy` IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii "Kul`tura i iskusstvo: tradicii i sovremennost`" (Cheboksary`, 25 fevralya 2021 g.). = Culture and Art: Traditions and Modernity: Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference "Culture and Art: Traditions and Modernity" (Cheboksary, February 25, 2021).* Cheboksary: Poster; 2021. P. 27–33. (In Russ.).

[3] Pakhomova E. A. On the issue of the diversity of liberalism in the modern world. *Vestnik Volzhskoj gosudarstvennoj akademii vodnogo transporta = Bulletin of the Volga State Academy of Water Transport.* 2013;(36):225–227. (In Russ.).

[4] Placrose H., Lindsey D. Cynical theories. How everyone started arguing about race, gender and identity and what's wrong with it / transl. from English. by D. Vinogradov. Moscow: Individuum; 2022. 384 p. (In Russ.).

[5] Bykov I. A., Akhmedova Yu. D. The culture of cancellation in the political discourse of modern Russia. *Vestnik Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta: Zhurnalistika. Obrazovanie. Slovesnost` = Bulletin of the Kabardino-Balkarian State University: Journalism. Education. Literature.* 2021;1(1):14–26. (In Russ.).

[6] Valyukevich E. Yu., Plaksina K. S. The culture of cancellation as a phenomenon of the 21st century. *Studencheskij vestnik = Student Bulletin.* 2021;15-4(160):10–14. (In Russ.).

- [7] Zinoviev N. S. The culture of cancellation as an aspect of public discourse. *Studencheskaya nauka: aktual'ny`e voprosy`, dostizheniya i innovacii : sbornik statej II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii = Student science: topical issues, achievements and innovations: collection of articles of the II International Scientific and Practical Conference*. Penza: Science and Education; 2021. P. 270–273. (In Russ.).
- [8] Lubyanyoy M. S., Fomenkov A. A. Political preferences of Nizhny Novgorod residents in 2018: Mindset and prospects for implementation. *Kazanskij social'no-gumanitarny`j vestnik = Kazan Social and Humanitarian Bulletin*. 2018;6(35):48–53. (In Russ.).
- [9] Bondarenko D. M. "The culture of denial" and the fight against racism: the civil war and the abolition of slavery in cultural memory in the USA. *XIV Kongress antropologov i e`tnologov Rossii : sbornik trudov konferencii = XIV Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia: a collection of conference proceedings*. Tomsk: National Research Tomsk State University; 2021. P. 7–19. (In Russ.).
- [10] Anikin D. A. Visualization of historical memory in a network society: Methodological foundations of the study. *Logos et Praxis = Logos et Praxis*. 2017;16(3):33–39. (In Russ.).
- [11] Kostromitskaya A. V. Transformation of the symbolic space of the city (On the materials of Simferopol): dis. ... cand. culturology: 24.00.01. Simferopol, 2013. 216 p. (In Russ.).
- [12] Marmazova T. I. Ways to improve political relations in transitive societies. *Gileya: nauchny`j vestnik = Gileya: Scientific Bulletin*. 2013;(72):787–792. (In Russ.).
- [13] Fortunatov A. N. Performative ontology of modern communication (On the problem of the evolution of the meanings of facts and meanings in 1917 and 2017). *Revolyuciya i e`volyuciya: modeli razvitiya v nauke, kul`ture, sociume : sbornik nauchny`x statej / pod obshh. red. I. T. Kasavina, A. M. Fejgel`mana. = Revolution and evolution: models of development in science, culture, society: collection of scientific articles / ed. by I. T. Kasavin, A. M. Feigelman*. Nizhny Novgorod: Lobachevsky Nizhny Novgorod National Research State University; 2017. P. 301–304. (In Russ.).
- [14] Fedorov A. V. Thousand and one highest-grossing Soviet film: Opinions of film critics and viewers. *Moscow: Information for everyone*; 2021. 1134 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А. А. Фоменков — доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-политических коммуникаций Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского.

Information about the author

A. A. Fomenkov — Doctor of Science (Historical), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social and Political Communications, N. I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University.

Статья поступила в редакцию 12.04.2022; одобрена после рецензирования 26.04.2022; принята к публикации 24.06.2022.

The article was submitted 12.04.2022; approved after reviewing 26.04.2022; accepted for publication 24.06.2022.